

обязательному дополнению к основной работе Съезда. Об этом можно судить, например, по способу публикации предоставляемых на Съезд докладов: материалы тематических блоков, в отличие от иных материалов, предоставляемых на Съезд, как следует из тех же Правил, «должны быть напечатаны до начала съезда отдельным сборником».

С момента утверждения заявки в ГРЦРФ идет активная работа по подготовке тематического блока, в ходе которой Центр столкнулся с серьезными проблемами организационного характера, связанными с направлением российских участников на Съезд. Еще в 2005 году в Белграде были выработаны правила формирования тематических блоков на XIV съезде, согласно которым их инициаторы ответственны за работу блоков на съезде. Однако из содержания Второго сообщения Международного комитета славистов, опубликованного на интернет-странице (www.msk.edu.mk), следует, что инициатор одновременно несет ответственность и за явку участников тематического блока, и за финансовое обеспечение их поездки, включая оплату размещения, транспортные расходы, организационный взнос. То есть, по-русски говоря, «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Между тем, совершенно ясно, что официальные приглашения на Съезд для участия в работе тематического блока Центра граждан других стран, в частности А. Д. Цветковой из Казахстана, Е. М. Боганевой из Белоруссии, не могут направляться не только из Центра, но и из Российской Федерации. Наше приглашение не является основанием для выдачи визы в Македонию, а инициатор блока не имеет юридических и финансовых прав для поддержки участников из других стран. Иначе говоря, организаторы Съезда самоустранились от решения важнейших организационных вопросов.

Несмотря на сложившуюся ситуацию мы надеемся, что работа XIV Международного съезда славистов, а также тематического блока «Фольклористика в контексте наук о традиционной духовной культуре. Вопросы теории и методологии» будет успешной и плодотворной.

ОБ ИЗУЧЕНИИ СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

(Ответы участников съезда на вопросы редакции)

Международные съезды славистов, организуемые в различных славянских странах раз в пять лет уже в течение нескольких десятилетий, призваны служить выработке новых фундаментальных идей, способствовать развитию исследовательских контактов, давать возможность непосредственного общения и обмена информацией. В настоящее время во многих научных учреждениях нашей страны заканчивается подготовка к XIV съезду славистов.

Редакция альманаха обратилась к некоторым российским участникам съезда с просьбой ответить на вопросы, касающиеся самого научного форума, а также современного состояния и перспектив наук о славянской традиционной культуре. В этом номере мы публикуем ответы заведующего отделом фольклора ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, доктора филологических наук, члена-корреспондента РАН В. М. Гацака, директора Государственного республиканского центра русского фольклора, доктора педагогических наук А. С. Каргина, заведующей отделом Института славяноведения РАН, доктора филологических наук С. М. Толстой, главного научного сотрудника отдела фольклора ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, доктора филологических наук, члена-корреспондента РАН А. Л. Топоркова и ведущего научного сотрудника ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, доктора филологических наук А. А. Панченко.

Как Вы оцениваете происходящие сегодня изменения характера и содержания наук, изучающих славянскую традиционную культуру?

В. М. ГАЦАК

Фундаментальные труды в области славянского фольклора и традиционных культур — экспедиционные, научно-публикаторские, исследовательские (в том числе компаративные) и др. — действительно обозначают новый характер и содержание современных

научных работ. Свидетельство тому — уникальные результаты плодотворной работы школы академика Н. И. Толстого, предстающие на новом витке своего поступательного развития, а также деятельность других научных коллективов нашей страны: ИМЛИ, ИРЛИ, ИФ СО РАН, ГРЦРФ, РГГУ, ряда вузов — университетов, консерваторий и др.

Первый Всероссийский конгресс фольклористов, организованный ГРЦРФ в 2006 году, продемонстрировал развитие целого ряда направлений, небывалый размах полевых работ, возвращение «отреченных» разделов, выпуск основательных многоязычных сводов и серий (русских, сибирско-дальневосточных и др.), становление комплексной академической текстологии и систематики.

Реальные сдвиги в техническом оснащении работ, выполнении проектов, основанных на применении ЭВМ и других инновациях. Регулярны школы молодых текстологов, конференции и симпозиумы. Развивается международное сотрудничество. Обнаруживается полезность научных дискуссий, включая самые контрастные.

А. С. КАРГИН

Если взять последние лет сорок истории, то думается, изменения есть. И существенные. Касаются они, во-первых, снижения политизированности славяноведения, собственно, как и в целом славянской гуманитаристики. Причины этого в том, что большинство славянских стран оказалось после Второй мировой войны на рельсах социалистического строительства, где роль главного гуманитария играл СССР. Что это такое, россиянам объяснять, думаю, много не нужно. Во-вторых, образно говоря, снизился эмоционально-повышенный тонус в оценке «передовых» идей наших наук. Оказалось, что и в других странах наука активно изучала этнические процессы, включая традиции, фольклор, этнокультуру в целом. Они нам были мало известны. В последние два десятилетия произошло это «открытие», и мы получили доступ к этим работам. Что не могло не вызвать разноречивых процессов. В пылу мы,

кажется, слишком себя забичевали, а зарубежных фольклористов, антропологов, этнологов переоценили. Болезнь передания. В-третьих, стало понятно, что славянский мир очень разный, каждая из стран ищет свое место под солнцем, не стесняясь, толкает локтями другие славянские страны, вплоть до одобрения их военных бомбардировок, расчленения, оккупации и т. д. Фактор духовного единства уступил место прагматизму. Поэтому славистика каждой из стран больше уповает на свои собственные силы, чем на некую поддержку, помощь, содействие от «братушек».

Что касается оценки состояния науки о русской традиционной культуре, то ее нужно дифференцировать. На ту, что присуща зарубежным исследователям, и собственно российским ученым. По первому случаю, имеющаяся информация для большинства россиян недостаточна, скудна. Она циркулирует между специалистами, российскими и других стран, основной интерес которых заключен в сравнительном анализе или в изучении другой культуры. О состоянии русской фольклористики я уже неоднократно высказывался. В частности, можно отослать к нескольким статьям в первом томе докладов Первого Всероссийского конгресса фольклористов. Если кратко, то меня все больше настораживает углубляющаяся размытость объекта фольклористики и множась его предметность. Фольклористик становится столько, сколько фольклористов.

С. М. ТОЛСТАЯ

Самой главной и многообещающей тенденцией нашего времени мне представляется интегральность гуманитарного знания, которая проявляет себя во взаимодействии и взаимовлиянии разных дисциплин — фольклористики (филологической и музыкальной), филологии в старом и широком смысле (изучение слова и текста), этнографии (обрядовый контекст фольклора), лингвистики (диалектологии, семантики, стилистики) и когнитивной науки, направляющей исследователей на изучение восприятия и категоризации мира человеком, реконструкцию «картины

мира», стоящей за языком, фольклорным текстом, обрядом, игрой, вышивкой и другими формами народного искусства. Такой интегральный подход позволяет преимущественное внимание уделять смысловой стороне традиционной культуры, культурным механизмам и моделям, соотношению разных способов кодирования и выражения содержания. Это не значит, что традиционная для отечественной фольклористики и этнографии проблематика утратила актуальность, но изменился подход и ракурс исследований.

Вторая важная тенденция — активизация региональных исследований и собирательской полевой работы (как московскими и петербургскими исследователями, так и представителями региональных школ и фольклорных центров), систематизация накопленных за многие годы архивных материалов, цифровая обработка звуковых и визуальных данных и публикация сборников текстов и монографий, появление цифровых изданий. Безусловно, положительную роль играют в этом переиздания многих классических отечественных и зарубежных трудов по этнографии и фольклору, а также появившиеся наконец в нашей стране специальные периодические издания по фольклору и традиционной культуре («Живая старина» и «Традиционная культура» в Москве, «Антропологический форум» в Санкт-Петербурге и др.), которые регулярно обозревают наиболее значительные работы, печатают материалы теоретического характера и публикуют полевые материалы.

А. Л. ТОПОРКОВ

Развитие наук о фольклоре и традиционной культуре, на мой взгляд, характеризуется рядом противоречивых тенденций. После событий рубежа 1980—1990-х годов, которые так или иначе затронули все славянские страны, фольклористика и другие гуманитарные науки развиваются в отсутствие идеологического диктата, в условиях плюрализма и свободы слова. В новых условиях сами собой отпали многочисленные запреты, которыми ограничивалось изучение фольклора и народной культуры в недавнем прошлом. Теперь

уже трудно поверить в то, что в течение почти 50 лет в СССР практически невозможным было заниматься такими жанрами, как духовные стихи, религиозные легенды, заговоры. Под негласным запретом находились целые пласты народной культуры: все, что так или иначе связано с религией и магией, фольклор ГУЛАГа, эротический фольклор и многое другое. Снятие многочисленных табу, введение в поле внимания ученых обширных пластов фольклора и народной культуры — это, несомненно, основная тенденция, определяющая современное развитие фольклористики и комплекса наук о славянской культуре (этнография, культурная антропология, этнолингвистика и др.).

Вторая тенденция связана с тем, что повсеместно разрушение старой политической системы привело к росту национализма, поискам собственной национальной, региональной и локальной специфичности. Здесь срабатывает не только политическая ситуация, при которой этническая «мобилизация» становится средством решения сиюминутных или долгосрочных задач государственного строительства, но и известный «этнический парадокс современности»: по мере вовлечения народов в процессы глобализации в них возрастает национализм, обращение к «истокам», формируются этнические мифы и т. д. В результате науки о народной культуре с периферии гуманитарного знания довольно неожиданно переместились в самый фокус общественного внимания. Вновь приобрели актуальность казалось бы давно забытые дискуссии о «народной душе» (или в современной терминологии об «этническом менталитете») и о «народной религиозности» (кто мы: язычники или христиане?). Книжный рынок заполнили фальсификаты вроде «Велесовой книги», бредовые исследования о славянах как самом древнем народе на земле; о славянском язычестве как непосредственном продолжении «ведической» религии Древней Индии и т. п. В новой политической и культурной ситуации академическая наука не только лишилась «права вето», но и оказалась скомпрометированной в общественном сознании десятилетиями конформизма и служения марксистской идеологии. Специалисты могут сколько

угодно доказывать, что «Велесова книга» является фальсификатом, но ее все равно будут издавать гигантскими тиражами и пропагандировать в СМИ, а миллионы людей будут поражаться тому, почему ученые не используют этот «памятник» как источник сведений о славянском язычестве.

В этой новой ситуации перед гуманитариями стоит непростая задача: сформулировать такие гипотезы, которые бы предлагали ответы на коренные вопросы о содержании славянского фольклора и особенностях славянских культур и в то же время опирались бы на критерии научного и верифицируемого знания.

А. А. ПАНЧЕНКО

Мне кажется, что мы все еще находимся в рамках «переходного периода». Научные «метанарративы», сформированные этнографией и фольклористикой советской поры, по большей части утратили свое значение, а новых влиятельных объяснительных моделей и научных школ в области изучения так называемых «традиционных» культур у нас пока что не сформировалось. Собственно говоря, перед фольклористами и этнологами по-прежнему стоит ряд серьезных исследовательских задач, связанных с пересмотром теоретического и категориального аппарата их дисциплин (включая понятия «традиция», «фольклор» и т. п.). Кроме того, существенно изменились особенности изучаемых нами культур: современные исследователи обращают все больше внимания на различные формы повседневного обихода урбанистических и урбанизированных сообществ — от городской легенды до интернет-фольклора. Думаю, что мы стоим на пороге новой науки, существенно отличающейся от фольклористики и этнографии XIX—XX веков. Это, впрочем, оптимистический сценарий. Возможен и пессимистический: применительно к России он подразумевает научную стагнацию, широкое распространение националистического и религиозного фундаментализма, подчинение академической науки идеологии авторитарного и фашиствующего государства. Надеюсь, что этого не произойдет.

В чем сильная и слабая стороны современных подходов российской науки к изучению традиционных славянских культур?

В. М. ГАЦАК

Сильные стороны отечественной науки о фольклоре и традиционной культуре:

— мы имеем ценное наследие классической фольклористики — филологической, этномузыковедческой и др., располагаем опытом совокупности научных подходов: общеславянского, этномузыковедческого, лингвофольклористического, этнолингвистического, антропологического, этнологического, равно как функционального, типологического, семиотического, компаративистского (изучение межэтнических связей и общностей);

— значительна традиция подготовки многоязычных научных кадров. Если говорить о славистике, то неслучайно российские доклады всегда выделяются знанием соответствующих текстов и живых традиций.

Что до «слабости» — скорее это недостаточная реализация всего имеющегося: в первую очередь взаимное встречное движение подходов, паритетный учет тех или иных решений и результатов.

А. С. КАРГИН

Для меня понятие «русская фольклористика» представляет собой некоторый собирательно-метафорический образ. Если взять фольклористику татарскую, башкирскую, удмуртскую и русскую, то в каждой из них ситуация своя. Собственно отсюда и размытость, безбрежная обобщенность в понимании термина «славянские культуры». Это набор культур славянских народов или некая их исторически усредненная ипостась? При этом нельзя забывать о регулярном проскальзывании отрицательной оценки, скажем, роли русской фольклористики в изучении фольклора народов бывшего СССР. Можно указать на мнение некоторых казахских, грузинских, туркменских исследователей, которые прямо обвинили русскую фольклористику в навязывании

неадекватного образа традиционной культуры их народов.

В этой оценке есть, к сожалению, и сермяжная правда, и политический налет. На мой взгляд, русская фольклористика должна была изучать пограничные, симбиозные явления на пересечении культур (с казахами, грузинами, белорусами и т. д.). Вопрос ведь не только в глубине знания исследователем того или иного родственного, скажем, сербского или польского языка. Дело в понимании ментальности конкретной традиционной культуры, философской картины мира, художественной образности и т. п. Эти категории весьма сложны для проникновения в их суть для человека другой национальности. А не понимая этого сложно говорить о глубинном анализе материала. То же самое происходит, когда русские фольклорные ансамбли привозят на зарубежные фестивали набор танцев народов России. Наши партнеры в Италии, Испании, ссылаясь на мнение зрителей не хотят принимать эти ансамбли, в первую очередь по причине поверхностного, формального прочтения текста танца другого народа. И с этим нельзя не согласиться.

Еще один аспект. Это отсутствие определенной программы в исследовании даже «соседних» славянских культур. Конечно, немало делается, прежде всего, в сопоставительном плане. Скажем, по проблеме повтора в русском, болгарском, чешском фольклоре. Интереснейшая работа фундаментальный пятитомный «Словарь славянских древностей», немало материалов можно найти в журнале «Живая старина» и т. п.

Но всего этого явно недостаточно, чтобы говорить о системе в изучении со стороны российской фольклористики традиционных славянских культур, как внутри России, так и в международном аспекте.

С. М. ТОЛСТАЯ

Преимущественное внимание к отечественной традиции, осознание актуальности и неотложности полевого изучения языка и традиционной культуры и систематизации уже собранного

материала, естественно, отодвигает на второй план задачи сопоставительных исследований народной культуры как в сравнительно-историческом плане, так и в плане типологическом и ареалогическом. Такого рода исследования (в том числе в рамках славянского мира), требующие специальной подготовки, пока еще ведутся у нас слишком узко и слишком малыми силами. В последние годы несколько ослабло внимание даже к ближайшим к нам этнокультурным традициям украинцев и белорусов. Надо признать, что и в других славянских странах исследования сопоставительного характера не пользуются популярностью. До некоторой степени эта лакуна заполняется такими изданиями, как белградский журнал «Коды славянских культур», софийское издание «Проблемы традиционной культуры», польский ежегодник «Etnolingwistyka», словенская серия «Studia mythologica slavica» и некоторые другие издания международного характера.

Появление в последние десятилетия большого числа популярных изданий — в жанре энциклопедических сводов, словарей, справочников и т. п. — тенденция в целом, безусловно, положительная, но имеет и свою негативную сторону, поскольку наряду с вполне научными публикациями, издается немало литературы самого низкого качества, не имеющей к науке никакого отношения. Многие из подобных популярных изданий, так же как и информация, поступающая из средств массовой информации, в частности по народной медицине, демонологии, нередко уже оказывают влияние на носителей традиции и «возвращаются» к собирателям под видом аутентичных фактов народной культуры.

А. Л. ТОПОРКОВ

Развитие русской фольклористики отмечено в целом важными позитивными тенденциями. Значимым событием стал Первый Всероссийский конгресс фольклористов, состоявшийся в Москве в феврале 2006 года. Он способствовал консолидации научного общества, выработке общих позиций по

принципиальным вопросам развития науки, преодолению информационной разобщенности.

Следует подчеркнуть, что фольклористика как академическая дисциплина в России занимает устойчивое положение. Этим наша ситуация выгодно отличается от ситуации в других странах Европы и в США, где фольклористика в целом не сложилась в особую академическую дисциплину: нет специальных кафедр фольклора в университетах; фольклористы работают в научных подразделениях, предназначенных для литературоведов, лингвистов или антропологов.

Активно функционируют академические центры изучения фольклора: Отдел фольклора и этнолингвистики Института славяноведения РАН, Отдел народно-поэтического творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Отдел фольклора Института мировой литературы РАН. Наряду с ними большую работу ведут Государственный республиканский центр русского фольклора, Кафедра фольклора МГУ, Центр типологии и семиотики фольклора и Лаборатория фольклора РГГУ, Институт этнологии и антропологии РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Факультет этнологии Европейского университета, Карельский научный центр РАН и др.

Помимо исследователей из традиционных научных центров в Москве и Санкт-Петербурге, к фольклору обращаются также сотрудники и преподаватели академических и университетских структур во многих других городах, таких как Петрозаводск, Сыктывкар, Архангельск, Пермь, Новосибирск, Екатеринбург, Курск, Нижний Новгород, Воронеж, Рязань и т. д.

Регулярно издаются периодические издания, посвященные фольклору и народной культуре: с 1994 года выходит «Живая старина: Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре», с 2000 года — научный альманах «Традиционная культура», с 2004 года — журнал «Антропологический форум».

10 Продолжают выходить в свет серийные издания: «Памятники русского

фольклора», «Русский фольклор», «Из истории русской фольклористики», «Славянский и балканский фольклор», «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», «Исследования по фольклору и мифологии Востока», «Славянская традиционная культура и современный мир», фольклорные тома серии «Литературные памятники». Заоевали авторитет новые книжные серии, такие как «Традиционная духовная культура славян» (издательство «Индрик»), «Традиция — текст — фольклор: Типология и семиотика» (издательство РГГУ), «Нация и культура» (издательство «ОГИ»).

С 2001 года Пушкинский дом начал систематическое издание серии свода русского эпоса «Былины в 25-ти томах». Данное издание впервые представляет критически выверенные разновременные записи былин и является беспрецедентным по богатству включенных в него материалов.

Международное признание получили вышедшие уже 3 тома этнолингвистического словаря «Славянские древности», который создается в Отделе фольклора и этнолингвистики Института славяноведения РАН под руководством С. М. Толстой (в целом издание будет иметь 5 томов). Это фундаментальная энциклопедия духовной культуры славянских народов, преимущественно их верований и обрядов. Русский фольклор привлекается к изучению «славянских древностей» наряду с фольклором других славянских народов.

Народное творчество находит почетное место в Фундаментальной электронной библиотеке «Русская литература и фольклор» www.feb-web.ru. Фольклор представлен в ФЭБ четырьмя жанрами — былинами, песнями, заговорами и сказками. Так, например, раздел «Былины и песни» включает полнотекстовую версию «Сборника Кириши Данилова» в серии «Литературные памятники», 1—4 тома серии «Былины» академического «Свода русского фольклора», сборник «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.» и многие другие. Для удобства ориентации материалы распределены по четырем предметно-

тематическим разделам: «Энциклопедические сведения», «Тексты былин и лирических песен», «Литература о песенном фольклоре», «Библиография». ФЭБ обеспечивает материалами ученых-филологов и преподавателей-руссистов не только из России, но из стран ближнего и дальнего Зарубежья.

Активно функционируют фольклорные сайты в Интернете, в частности сайт семинара фольклористов и антропологов под руководством проф. С. Ю. Неклюдова «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика» на www.ruthenia.ru/folklore. Вывешен в Интернете электронный каталог звукозаписей из коллекции фонограммархива ИРЛИ РАН (www.speech.pw.ru).

Можно назвать следующие приоритетные направления исследований в современной отечественной фольклористике:

1. Изучение классических жанров русского фольклора, таких как былины, исторические и лирические песни, сказки.

2. Изучение русского фольклора в его исторических взаимосвязях с фольклором украинского и белорусского народов, а также других славянских народов. Большая работа в этом направлении проводится в Отделе фольклора и этнолингвистики Института славяноведения РАН.

3. Собираание и публикация текстов с использованием методов современной комплексной текстологии; освоение нетрадиционных носителей информации; представление результата в виде мультимедийного продукта или электронной базы данных. В качестве примера можно привести ряд указателей фольклорных сюжетов, вывешенных на сайте «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика» на www.ruthenia.ru/folklore.

4. Изучение неклассических жанров русского фольклора, в частности городского фольклора, современного фольклора детей и подростков, фольклора различных профессиональных групп, фольклора в Интернете. Плодотворная разработка этих проблем ведется, например, в рамках постоянного семинара

«Мифология и повседневность», проводимого в Пушкинском доме Группой теоретико-литературных и междисциплинарных исследований под руководством А. А. Панченко.

Острыми проблемами нашей фольклористики, к сожалению, по-прежнему остаются: сохраняющийся разрыв между колоссальным объемом фольклорных материалов разных жанров, записанных на протяжении XIX—XX веков, и тем относительно небольшим количеством текстов, которые реально используются исследователями; недостаточная скоординированность деятельности между отдельными научными подразделениями, как в рамках РАН, так и вне этих рамок. Особенно это касается полевой работы, которая ведется многими научными институтами и вузами без всякого согласования; отсутствие научной экспертизы популярной и квазинаучной литературы по фольклору и мифологии, которая насыщает книжный рынок и имеет подчас дилетантский характер; сохраняющийся разрыв между русской наукой и наукой Западной Европы и США (если труды западных исследователей довольно активно издаются и осваиваются в России, то работы современных российских исследователей практически неизвестны на Западе).

Учитывая вышесказанное, обозначим следующие перспективные направления в области русской фольклористики:

1. Междисциплинарные исследования: изучение фольклора как интегральной части духовной культуры, в ее многообразных связях с языком, обрядами и верованиями, религиозными представлениями, а также литературной традицией, в том числе с русской классической литературой XIX века. Предпринимаемые периодически попытки ограничить изучение фольклора рамками «искусства слова» представляются неоправданными и даже вредными, хотя поэтика фольклора по-прежнему остается для нас одной из приоритетных областей исследования.

2. Работа в области источниковедения. Важная задача — актуализировать классическое наследие и сделать доступными невостребованные материа-

лы, хранящиеся в архивах или опубликованные в редких и труднодоступных изданиях. Этого можно добиться активно используя современные средства обработки и хранения информации; путем создания справочников, энциклопедических и библиографических словарей, указателей сюжетов, мотивов, топосов русского и мирового фольклора. Насущная задача академической фольклористики — создание новой «Истории русской фольклористики», отвечающей современным требованиям, подготовка «Библиографического словаря русских фольклористов XVIII—XX вв.».

3. Компаративные исследования: постижение русского фольклора в связи с фольклором других народов России и других славянских народов. Не менее важно развивать традиции, восходящие к трудам А. Н. Веселовского и В. М. Жирмунского, рассматривая русский фольклор в широком контексте классических форм фольклора народов Востока и Запада. Важно привлекать к исследованию русского фольклора специалистов по другим этнокультурным традициям.

4. Необходимо активнее знакомить международную читательскую аудиторию с классическими произведениями русского фольклора, делать их доступными для нерусскоязычного читателя. Отметим в связи с этим научную антологию «Русский народный эпос», изданную в США (перевод, введение, комментарии Дж. Бейли и Т. Г. Ивановой).

А. А. ПАНЧЕНКО

Сильная сторона — во всё еще значительном количестве квалифицированных специалистов, богатых архивных и опубликованных коллекциях источников, сравнительно высоком объеме монографических и периодических изданий по фольклористике и этнологии. Слабая — в отсутствии развернутых теоретических дискуссий, частичной изоляции от мировой науки, узости исследовательского кругозора и бессмысленной приверженности устаревшим идеям и методам, присущей многим российским ученым.

Что Вы ждете от очередного съезда славистов?

В. М. ГАЦАК

Может быть, говоря о том, что следует ожидать от очередного XIV Международного съезда славистов, лучше ограничиться конкретикой предстоящего мероприятия. В утвержденной Президиумом Международного комитета славистов «Программе тем» интересующий нас проблемный блок сформулирован так: «*Фольклор славян. Проблемы изучения фольклора и традиционной духовной культуры. Славянско-неславянские связи. Текстология фольклора. Взаимопроникновение в фольклоре. Городской фольклор.*».

Мной собраны в группы (и в необходимых случаях переведены) названия предстоящих докладов с именами авторов и представленных стран. Отмеченные звездочками четыре доклада добавлены из других подразделов блока «Литература. Традиционная культура. Фольклор».

*Доклады
на общеславянском материале*

Славянская мифическая «биѡа»: представление и происхождение — Л. Раденкович (Сербия и Черногория).

Фольклорный дискурс, пространственно-временная закреплённость локальной идентичности в фольклоре: текстуально-культуральный процесс в ранней этнографии южных славян — П. Плас (Бельгия).

К проблеме типологии и функции магических текстов: значение формул и проклятий в славянской народной культуре — Л. Виноградова (Россия).

Пол солнца и луны в славянском фольклоре — И. Ито (Япония).

Этнопоэтика обрядового текста как выражение энтитета фольклорной традиции (на материале украинских и балканославянских похоронных плачей) — О. Микитенко (Украина).

Диалогичность традиционной славянской культуры — Й. Холевич (Болгария).

Категория фольклорного пограничья в славянских контекстах — Л. Вахнина, Л. Мушкетик (Украина).

Семиотика детства: возрастные дисгармонии и социализации ребенка в славянском фольклоре — Т. Володина (Республика Беларусь).

Мотив «Соккрытие девушкой своего пола» в славянском фольклоре — В. Добровольская (Россия).

Фольклорное творчество и современные культурные процессы в славянских странах — А. Морозов (Республика Беларусь).

*Глобализационные процессы в традиционной южнославянской культуре — Р. Иванова (Болгария).

Песни двух городов: Городской фольклор в Варшаве и Одессе — Р. Ротштейн (США).

Фольклорный фестиваль — одна из форм современного фольклоризма — Х. Хлошкова (Словакия).

Систематика и текстология

Народная классификация польских эмоций (emotions), исходящая из совокупности наблюдений — К. Dzwirek (США).

Каталогизация славянских обрядовых песен — J. Mieczko (Польша).

Пути формирования восточнославянских заговорных репертуаров — Т. Агапкина (Россия).

<Фиксация> интерпретационного уровня при записывании текстов устной прозы — Л. Маркс (Хорватия).

Текстология фольклора (компаративные и мультимедийные аспекты) — В. Гацак (Россия).

Украинские баллады в Канаде и в Украине — Н. Кононенко (Канада).

Магия обмена: украинская традиционная свадьба и ее сохраняемость в Канаде — С. Кухаренко (Канада).

Польский фольклор на американской сцене: имитация или стиль? — А. Брозовска (США).

Компаративистика

Жанровые и эволюционные формы воплощения сюжета «Грешник на море» в славянском и западноевропейском эпосе — В. Ковпик (Россия).

Сравнительный анализ германской, романской и славянской моделей волшебных сказок — М. Милева-Блажич (Словения).

Любовные заговоры славянских народов в компаративном отношении — А. Топорков (Россия).

К сравнительному изучению древнерусского и древнегерманского эпоса — С. Азбелев (Россия).

Образ «другого» в балканском фольклоре — А. Олтяну (Румыния).

«Блуждающие формулы» в западнославянских, восточнославянских и балтийских заговорах как маркеры традиции — М. Завьялова (Россия).

Родовое сознание в традиционной духовной культуре славянских и неславян-

ских народов Восточной и Юго-восточной Европы — О. Шарая (Республика Беларусь).

Три шведских перевода «Хасанагиницы» — С. Миладинович (Швеция).

Текстуальный анализ произведения / жанра / цикла из отдельно взятой традиции

Наследование и «высыхание источника» устных повествований (на примере македонского рода нарраторов) — К. Вроцлавски (Польша).

«Изьеденный овчар»: текст и обрядно-мифический контекст песни — З. Каранович (Сербия и Черногория).

Эманация плача-трэнаса в художественной традиции — И. Штейнер (Республика Беларусь).

Образы народных эпических песен: историческое и поэтическое в них — М. Клеут (Сербия и Черногория).

*Сакральное в эпическом исполнительстве славян — М. Станоник (Словения).

Фольклорные характеристики ритуальных циклов в жизни современной России — J. Rouhier-Willoughby (США).

Контакты между устной и письменной словесностью

О некоторых видах переключек сербской устной и средневековой книжности — Н. Милошевич-Джорджевич (Сербия и Черногория).

Славянские старозаветные тексты в псевдоканонических переложениях: Между литературой официальной и культурой народной — Г. Минчев, М. Сковронек (Польша).

«Egzempli» как средневековые bestiarii — Д. Зарадия Киш (Хорватия).

Народное православие в творчестве Н. Лескова — Б. Трояновска (Польша).

Языческое прошлое глазами христианских хронистов: Начальный этап средневропейской историографии — М. Фонт (Венгрия).

Болгарско-украинские музыкальные связи XVI—XVII вв.: болгарский распев в украинских нотополитических ирмологиях — Л. Корний (Украина).

*Святые и образы святых в македонской народной традиции — Т. Вражиновски (Республика Македония).

Фольклорные мотивы в сборнике Бориса Станковича — Л. Банч (Сербия и Черногория).

*Отзвуки народной песни в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» — О. Новицкая (Бельгия).

Коста Рацин и Блаже Конески (фольклористический аспект) — М. Китевски (Республика Македония).

А. С. КАРГИН

Судя по имеющейся информации о структуре проведения съезда, а также исходя из опыта проведения прежних съездов, крупных прорывов, новых фундаментальных идей и концепций трудно ожидать. Скорее всего, разговор будет вестись вокруг частных проблем лингвистики, языкознания, фольклористики, истории и т. д. и на основе частных наблюдений, как это происходит на симпозиумах этнологов, антропологов, лингвистов, фольклористов, историков, на большинстве конференций. Каждый говорит о своем. Славистика сегодня слишком разобщена, чтобы предложить крупные многонациональные проекты. Циркуляция идей, книг, исследовательских программ происходит и вне съездов, в рабочем порядке. Ведущие слависты-россияне достаточно хорошо знакомы с коллегами из других стран (в том числе неславянских), в рабочем порядке обмениваются книгами, ездят друг к другу на различные научные мероприятия. Съезд может стать более широкой площадкой для личного обмена информацией, в известной мере скоординирует интересы, станет яснее, кто над чем работает и т. д. Мне думается, съезд это все-таки акт, в известном смысле, политический, еще раз заявит о наших общих корнях, констатирует наличие точек соприкосновения между славянскими народами. Для многих, в первую очередь гуманитарных, наук это важно. Все остальные (политические, экономические, военные) проблемы слишком разнятся в наших странах, чтобы ставить вопрос о роли славистов в их синхронизации, тем более в разрешении. Славянская идея сегодня не более чем символ. Откровенная враждебность некоторых славянских стран к России — реальность, с которой, увы, приходится иметь дело на всех уровнях.

С. М. ТОЛСТАЯ

Связываемые с очередным Международным съездом славистов, созываемым каждые пять лет, надежды — это, прежде всего, непосредственное общение с коллегами из других стран и обмен информацией о новых изданиях и темах, знакомство с новыми лицами, а также

возможность ближе узнать с научной и человеческой стороны страну-хозяйку, т. е. Македонию, традиционная культура которой, несмотря на перманентный балканский кризис, сохраняется лучше, чем во многих других регионах Славии. Личные контакты с македонскими фольклористами и этнографами между съездами носят, как правило, эпизодический характер и не могут дать полного представления о состоянии ее изучения, поэтому встреча в Охриде позволит ближе познакомиться с македонской научной жизнью. Из всего круга дисциплин, изучающих традиционную культуру славян, на съездах бывают представлены этнолингвистика и фольклористика, но не этнография, поэтому полной картины получить, к сожалению, не удастся. Обычно страны-участницы совместными усилиями организуют выставку изданий, увидевших свет между двумя съездами. Интерес к этой выставке, естественно, очень велик.

А. Л. ТОПОРКОВ

Съезды славистов дают хорошую возможность пообщаться с коллегами из разных славянских стран, завести полезные научные связи, познакомиться с новой литературой, выходящей за рубежом.

А. А. ПАНЧЕНКО

Если отвлечься от сугубо научной стороны дела, стоит учитывать, что съезды славистов всегда имели тот или иной политико-идеологический подтекст. Начиная с 1958 года эти конгрессы, помимо всего прочего, были своеобразным отражением экспансионистской политики Советского Союза в оккупированных странах Восточной Европы. Понятно, что в 1990-е годы последствия этого «панславизма поневоле» оказались деструктивными: научные связи между Россией и другими славянскими странами Центральной и Южной Европы пережили серьезный упадок. Хочется надеяться, что старые обиды хотя бы отчасти забылись и предстоящий съезд будет способствовать развитию исследовательских контактов, преодолению националистических и провинциальных стереотипов.